

A man with dark, curly hair and a serious expression stands in the rain at night. He is wearing a light-colored, possibly white, raincoat that is wet and clings to his body. The background is dark with some blurred lights, suggesting an urban street. The overall mood is moody and atmospheric.

Черновик

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Амир Н Камран

<https://litres.ru/74039651>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алматы. Наши дни. Камран — успешный управляющий в кафе, привыкший решать любые проблемы логикой и точным расчетом. Но когда в его жизнь бесцеремонно вторгаются старые знакомые, привычный мир рушится в один миг.

Это история о том, как легко потерять себя, когда инстинкт выживания становится сильнее закона и морали

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	39

Амир Н Камран

Глава 1

Прохладный алматинский вечер медленно сгущался, наливаясь тяжелой темнотой. В воздухе отчетливо пахло скорым, затяжным дождем.

Он стоял у служебного входа в ресторан, прислонившись спиной к кирпичной стене. Между пальцами была зажата незажженная сигарета. Он медленно крутил её в руках, глядя в темноту переулка и просто пытаясь ни о чём не думать после тяжёлого, выматывающего дня. На нём были классические брюки и белая рубашка, аккуратно застегнутая на все пуговицы.

Входная дверь резко открылась. На улицу, запыхавшись, выбежала испуганная официантка. Глаза у нее были полны страха.

— Камран Маратович! Пожалуйста, зайдите в VIP-зал. Там гости буянят, администратор вообще не справляется. Мы не знаем, что делать.

Камран замер на секунду. Лицо мгновенно превратилось в холодную, непроницаемую маску. Пальцы разжались, и сигарета полетела на асфальт. Он наступил на неё подошвой

туфли, плавно раздавив табак, поправил воротник рубашки и уверенным, размеренным шагом направился внутрь.

— Успокойся и возвращайся к работе. Я сам всё улажу,
— негромко бросил он девушке на ходу.

Когда Камран переступил порог основного зала, по нему словно прошла невидимая волна тишины. Шум голосов, звон бокалов и смех за ближайшими столиками инстинктивно начали затихать. Гости ловили себя на том, что оборачиваются вслед этому высокому, плечистому мужчине. По залу пронеслось то странное, осязаемое напряжение, которое всегда возникает в присутствии опасной силы. Плотная белая рубашка подчеркивала разворот плеч, а сквозь тонкую ткань на левой руке отчетливо просвечивали плотные черные контуры массивных татуировок. Этот контраст безупречной формы и скрытой под ней глухой, жесткой силы заставлял людей за соседними столиками провожать его долгими, притихшими взглядами.

Камран подошел к тяжелой дубовой двери VIP-зала и спокойно вошел внутрь.

В комнате было накурено. За большим столом сидели четверо: трое мужчин лет сорока и одна женщина. По разбитому бокалу на полу и перевернутой тарелке было сразу понятно, что вечер перестал быть мирным. Один из мужчин, с расстегнутым воротом дорогой рубашки и покрасневшим от алкоголя лицом, как раз что-то громко и злобно выговаривал побледневшему администратору, который растерянно

топтался у входа. Остальные молча наблюдали за сценой.

Камран Маратович мягко повернулся к замершему сотруднику и кивнул на дверь: — Спасибо, я здесь сам разберусь. Можете выходить в зал и возвращаться к своей работе.

Администратор с явным облегчением кивнул и быстро шмыгнул за дверь, оставив управляющего один на один с компанией. Камран повернулся к столу, удерживая на лице спокойную, доброжелательную улыбку, и вежливо уточнил: — Так что у вас случилось? Чем я могу помочь?

Мужчина с расстегнутым воротом рубашки, тяжело дыша, уставился на Камрана мутным, злым взглядом. Присутствие женщины за столом явно подстегивало его желание показать, кто здесь хозяин. Он с грохотом отодвинул тяжелый стул и поднялся, покачиваясь.

— Что случилось?! — выплюнул он, брызгая слюной и указывая пальцем на разбитый бокал. — Заведение у вас — помойка! Сервис — дерьмо! Вы кого на работу понабрали, Маратович? Ты вообще понимаешь, с кем разговариваешь? Если я сильно захочу, я ваше заведение сегодня же закрою. Один звонок — и вы здесь больше работать не будете, понял меня?! Сегодня же, б!

Камран выслушал эту тираду, даже не моргнув. Личные обиды он привык оставлять глубоко внутри — профессионализм был выше пьяных понтов. Гордость? На гордость в его планах пока не было свободного времени. Нужно было гасить пожар.

— Вы абсолютно правы, у вас наверняка есть такие возможности, — мягко, почти сочувственно ответил Камран, слегка наклонив голову в знак уважения. — Наше заведение держится на репутации, и если мы совершили ошибку, мы готовы её исправить. Пожалуйста, не нужно буянить и портить себе вечер. Давайте мы во всем разберемся.

В этот момент один из сидевших на диване мужчин — плотный, с коротким ежиком седеющих волос и спокойными, трезвыми глазами — поднялся с места. Он бросил короткий, примиряющий взгляд на женщину, молча подошел к Камрану и едва заметным жестом показал рукой в сторону выхода:

— Камран Маратович, верно? Пойдем на пару слов, отойдем на минуту.

Камран спокойно кивнул, и они вместе вышли из шумной VIP-комнаты, прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь. В коридоре ресторана было тихо. Седовласый мужчина повернулся к управляющему, устало потер переносицу и заговорил негромко, с искренним сожалением:

— Уважаемый, ты извини за этот концерт. Друг мой Самат. Перепил лишнего сегодня, тормоза отказали, сам видишь. На ровном месте истерику устроил, перед Дамирой неудобно. Всякое бывает, мужчина, не принимай на свой счет. Мы сейчас счет закроем и уедем, буквально минут десять нам дай. Ладно?

Камран отреагировал абсолютно спокойно. Ни тени оби-

ды или злости не отразилось на его лице. Он понимал человеческую природу и ценил, когда с ним говорили вот так — прямо и уважительно.

— Всё в порядке, я вас прекрасно понимаю, — мягко ответил Камран, слегка улыбнувшись. — Ситуации разные бывают, алкоголь по-разному на людей действует. Не переживайте, отдыхайте спокойно эти десять минут, торопить вас никто не будет. Счет я попрошу подготовить.

— Рахмет, командир. Ценю понимание, — мужчина крепко, по-мужски пожал Камрану руку и вернулся в VIP-зал.

Компания Самата уехала ровно через десять минут, как и было обещано. Ресторан медленно опустел. Погасили основные люстры, официанты домывали залы, на кухне убирали ножи. Камран зашел в свой кабинет и открыл ноутбук. Еще час он молча сидел в тишине, проверяя отчеты по закупкам и сводя меню себестоимости. В таблицах всё было идеально. Цифры сходились. Жизнь казалась просчитанной и контролируемой.

Около трех часов ночи он наконец закрыл ноутбук. Усталость свинцом налила плечи.

На улице вовсю лупил холодный, тяжёлый ливень. Вода стекала по кирпичным стенам кафе, шумела в водостоках и заливала стёкла летней террасы. Камран толкнул тяжёлую стеклянную дверь и вышел на улицу. Заведение уже закрылось, персонал разошёлся.

Тонкая ткань рубашки моментально намокла, неприятно

облепив плечи и спину, но он даже не поежился. Камран быстро пересёк пустую, залитую водой парковку, направляясь к дальнему углу площадки, где обычно оставлял свой Мерседес. Вокруг — ни души, только стена серого дождя, глухой шум проспекта и неоновый свет вывески заведения, который зловеще дрожал в лужах у него под ногами. Именно здесь, в этом неоновом полумраке парковки, его и ждали.

Камран даже не успел ничего спросить. Его лицо мгновенно превратилось в каменную маску, тело инстинктивно напряглось, готовое к бою, они пришли не разговаривать.

Удар из темноты прилетел наотмашь, хлестко и без предупреждения. Тяжелая деревянная бита с глухим стуком врезалась ему в правое бедро. Нога мгновенно онемела, превратившись в чужую, бесполезную кость. Камран потерял равновесие и рухнул коленями в грязную лужу, хватая ртом холодный воздух. Опора ушла из-под ног, он был полностью обездвижен.

В ту же секунду вторая фигура навалилась сверху, намертво прижимая его плечи к мокрому асфальту и блокируя руки. Камран пытался рвануться, преодолевая дикую, разрывающую боль в ушибленной мышце, но хватка была профессиональной. Его заставили замереть.

В темноте тускло блеснуло стальное лезвие. Тот, что нанес удар битой, подошел ближе и не торопясь присел перед Камраном на корточки. Его хваленый дипломатичный мир разлетелся в щепки за пару секунд.

— Ну привет, Камранчик, — тихо, сквозь зубы произнес он. — Думал, устроился в дорогой ресторан, рубашечку белую надел и про долги можно забыть?

Камран тяжело глядел на ублюдка, чувствуя, как ледяной ливень мгновенно заливает лицо, смешиваясь с грязью. Человек в капюшоне перехватил нож поудобнее и, смотря Камрану прямо в глаза, с силой вогнал его ему в бок, прямо под ребра.

Камран судорожно хрипнул от резкой, обжигающей боли, но рукоять ножа так и осталась торчать наружу — лезвие никто не вытащил.

— Это тебе напоминалочка, — холодно произнес он. — Чтобы помнил.

Он медленно поднялся на ноги и, уже разворачиваясь к выходу из переулка, брезгливо процедил сквозь зубы:

— Хренов бизнесмен.

Обе фигуры мгновенно растворились в шуме ливня.

Камран осторожно завалился на спину, стараясь не задеть торчащую рукоять. Мысли текли медленно, путались. Но в этот самый момент, пробивая шок, глубоко в его голове впервые проснулся чужой, хриплый и дико злой Голос...

«Надо же, какой вежливый труп... Столько лет ужимался, терпел, улыбался. И ради чего? Чтобы сдохнуть в луже? Не смей закрывать глаза, слышишь? Ты слишком долго спал, Камранчик.

Но тело больше не слушалось. Камрана накрыло стран-

ное, ни на что не похожее ощущение: боль в боку резко исчезла, сменившись могильным, ледяным холодом, который стремительно поднимался от ног к груди. Звуки падающей воды стали глухими, будто он провалился глубоко под воду. Картинка перед глазами дернулась, неоновые вывески смазались в одну грязную полосу, и мир вокруг Камрана окончательно погас

Глава 2

Белый потолок больничной палаты встретил меня запахом хлорки, спирта и глухой, пульсирующей болью в левом боку. Каждое дыхание отзывалось внутри так, словно туда загнали раскаленный штырь.

— Очнулся? Лежи не дергайся, — раздался над ухом уставший голос дежурного хирурга. — Рубашку твою пришлось разрезать, вся в крови была. Повезло тебе, парень. Сантиметр влево — и задели бы селезенку. А так — зашили, жить будешь. Сейчас повязку сменим.

Я попытался инстинктивно повернуться, чтобы облегчить дыхание, и в ту же секунду правую ногу снизу доверху прошило такой дикой, судорожной вспышкой, что из глаз брызнули слезы. Одеяло приподнялось, и я увидел своё правое бедро. Начиная от колена и почти до паха кожа превратилась в сплошное, иссиня-черное месиво. Мышца отекала, раздулась и затвердела, став похожей на кусок перетянутого бревна. Любое, даже мизерное движение пальцами ноги отзывалось глухим, тошнотворным спазмом где-то в тазу. Ходить этой ногой сейчас казалось чем-то из области фантастики.

Стоило мне стиснуть зубы, как в черепной коробке снова раздался тот самый хриплый, циничный смешок. Голос, который я принял за предсмертный бред в переулке, никуда не исчез.

— Ну что, больно? — вкрадчиво спросил он. — Терпи. Ты же у нас профессионал по части «терпеть». Столько лет ужимался. Сейчас-то чего разнылся?

Я мысленно заблокировал эту мысль. Зажмурился, вцепился пальцами в края железной койки и приказал себе верить, что это просто последствия шока и потери крови. Обычный бред. Настоящий я — здесь, а это — просто шум в голове. Я не собирался с этим разговаривать.

«Заткнись. Тебя нет. Кто ты вообще такой?» — жестко отрезал я про себя, пытаясь вытеснить чужеродный хрип из сознания.

Но Голос не стал спорить или что-то доказывать. Он ответил ледяным, равнодушным тоном, который мгновенно отрезвил меня сильнее любой боли:

— А ты сам-то кто?

После ответа Голоса по телу пробежали мурашки. Звук мгновенно утих, словно растворился в темноте, оставив после себя лишь звенящую тишину. Никаких дискуссий. Он просто перевернул мой собственный вопрос и швырнул его мне в лицо, заставив захлебнуться этой тишиной. Ответить мне было нечего.

Врач закончил перевязку, закрепил пластырь, на ходу бросил пару дежурных фраз и вышел, тихо прикрыв за собой дверь. В палате воцарилась тяжелая, больничная тишина.

Я остался один. Глухая злость на самого себя жгла изнутри сильнее, чем разодранная рана. Но сознание уже судорож-

но цеплялось за логику: это шок. Просто сильный болевой шок и потеря крови, отсюда и галлюцинации. Мне всё слышалось. Мозг просто сыграл со мной злую шутку на пороге смерти.

Я лежал неподвижно, всматриваясь в серые стены палаты, и мысленно позвал его снова. Попытался дёрнуться, спровоцировать резкую боль, чтобы услышать хотя бы ещё один хриплый смешок.

«Эй. Ну где ты там?» — позвал я в пустоту.

В ответ — ничего. Обычный больничный шум за окном. Внутри стало стерильно и пусто. И в этот момент, среди абсолютной тишины, мне вдруг стало по-настоящему грустно. Будто из этой пустоты ушло что-то пугающее, но до боли честное.

За окном палаты медленно занимался рассвет, окрашивая серые стены в бледно-желтый цвет. Я рассматривал свою ладонь и понимал главное: слышался мне этот Голос или нет, я больше не могу и дальше себе врать. Пришло время брать контроль над собственной жизнью.

Глава 3

Кабинетный запах дешёвого парфюма и казённой кожаной папки въелся в палату быстрее, чем выветрился запах хлорки. Мужчина в гражданском костюме, сидевший на стуле возле моей койки, не выглядел сочувствующим. Капитан полиции, уполномоченный из районного отдела. В руке он лениво крутил дешёвую шариковую ручку, а перед ним на тумбочке лежала раскрытая папка с бланками объяснительных.

— Ну что, Камран, пришёл в себя? — в его голосе сквозила откровенная скука, перемешанная с дежурным, профессиональным давлением. — Хирург из тебя три часа нож вытаскивал. Оставили прямо в боку, ещё бы немного — и селезёнка в хлам. Так что сказки про «шёл, упал, очнулся — гипс» отпадают сразу. Пиши заявление, открываем уголовное дело. Напали прямо на парковке твоего кафе, место заметное, но из-за этого проклятого ливня на камерах вообще ни черта не видно — сплошная серая стена и водяные блики. Так что вспоминай сам, кто это был, с кем конфликтовал. Тебе это самому нужно, понимаешь?

Он давил технично, привычно, подталкивая меня сделать то, что делает любой нормальный человек в моей ситуации — потребовать возмездия. Начать следствие, бегать по опознаниям, утонуть в роли пострадавшего, которого пожалели.

— Ничего не помню, командир, — ответил я. Голос после операции всё ещё был сиплым, но звучал твёрдо. — Тёмно было, удар по ноге, потом сразу в бок. Лиц не видел. Заявление писать не буду. Претензий ни к кому не имею, искать никого не надо.

Капитан перестал крутить ручку. Он медленно наклонился вперёд, опершись локтями о колени, и посмотрел на меня снизу вверх — тяжело, с прищуром.

— Не помнишь, значит? Камран, ты мне тут детский сад не устраивай. Нож в боку — это тебе не карманная кража. Да и с бедром твоим эксперты пишут: удар нанесён твердым тупым предметом с огромной силой. Это чистая статья. Тяжкие телесные. Мы всё равно обязаны провести проверку. Ты кого-то покрываешь? Или сам где-то замазался, что сдавать их не хочешь? Пойми, они ведь вернутся закончить дело, если ты сейчас язык за зубами держать будешь. Нам этот висяк на участке нафиг не нужен, но и труп мне потом оформлять неохота.

Он выдержал паузу, ожидая, что я дрогну, начну оправдываться или сорвусь. Но я молчал, глядя прямо перед собой. Перед глазами на миг вспыхнули те самые лица из переулка и силуэт бейсбольной биты, со свистом опускающейся на мою ногу. Я прекрасно знал, кто это сделал, и отлично помнил это оружие. Но глубоко внутри я также понимал: написать сейчас заявление — это всё равно что сдать. Расписаться в собственной беспомощности. Да и глупо думать,

что полиция сможет мне здесь помочь. Если бы они могли или хотя бы хотели разобраться с этими людьми, те бы уже давно сидели на пожизненном. Человеческая жизнь для таких измеряется в тенге. И в итоге меня же и выставят виноватым, просто чтобы закрыть показатели и красиво подшить дело. Становиться разменной монетой я не собирался.

— Давай по-хорошему, — капитан применил другой тон, более мягкий, доверительный, как старший товарищ. — Пишешь заявление «прошу принять меры к неизвестным лицам». Мы сами соберём материал. С камер силуэты вытащим, по базе пробьём. Тебе даже делать ничего не придётся, просто подпиши бланк. Справедливости не хочешь, что ли? Тебя чуть на тот свет не отправили, а ты сидишь тут, партизана из себя строишь.

Его слова звенели в ушах, но вызывали лишь глухое раздражение. Справедливость в их понимании была фальшивкой, которая обернётся против меня.

— Я всё сказал, капитан, — я с трудом сглотнул сухую слюну, чувствуя, как от напряжения начинает ныть свежий шов. — Лиц не видел. Никого не знаю. Покрывать мне некого. Писать ничего не буду. Зафиксируйте отказ.

Полицейский ещё пару секунд пристально вглядывался в моё лицо, пытаясь найти там след испуга или криминальных тайн. Не нашёл ничего, кроме глухого, непробиваемого упрямства.

— Ну, смотри, дело твоё, — капитан с сухим, резким сту-

ком захлопнул папку и поднялся со стула, не скрывая разочарования. — На «нет» и суда нет, нам же меньше работы. Но учти, парень: второй раз так может не повезти. Распишись вот здесь, что от претензий отказываешься и ознакомлен.

Я черкнул размашистую подпись на протянутом бланке. Капитан шлепнул папку в сумку и вышел, даже не попрощавшись.

Когда шаги в коридоре затихли, я решился на то, от чего меня весь день отговаривала дежурная медсестра. Я попытался встать. Швы в боку тут же натянулись, но настоящая катастрофа ждала ниже. Стоило мне спустить ноги и попытаться перенести вес на правую сторону, как раздувшееся бедро прошила глухая, парализующая судорога. Нервные окончания словно отключили: нога просто подогнулась, как тряпичная. Если бы я не вцепился намертво в железную спинку койки, то рухнул бы прямо на больничный линолеум. Кое-как, сдерживая тошноту и утирая холодный пот со лба, я затащил беспомощную конечность обратно на кровать. Стало ясно: упрямитесь перед ментами — это одно, а вот ходить мне теперь придется очень не скоро.

Через три дня меня выписали.

Город встретил меня душным, тяжёлым шумом улиц. Машины, прохожие, вечная суета — всё это казалось слишком громким, раздражающим и каким-то чужим. Подмышки горели от непривычной опоры на костыли, а правая нога висела тяжёлым, бесполезным бревном, отзываясь на каждую

кочку асфальта. Кое-как поймав такси, я доехал до своей съёмной квартиры.

Когда за мной закрылась входная дверь, навалилась звенящая, абсолютная тишина. Квартира встретила меня ровно в том же виде, в каком я её оставил: чашка с недопитым чаем на столе, брошенная на стуле куртка. Только теперь здесь пахло застоявшимся воздухом и одиночеством.

Я подошёл к столу, сильно припадая на заплывшую правую ногу и преодолевая тупую боль в швах, и открыл ноутбук. Экран вспыхнул белым светом, отразившись в моих глазах. Рука на секунду замерла над клавиатурой...

Глава 4

Физическая боль отнимала силы, но настоящая беда лежала на столе.

Я залез в карман куртки, вытащил всё, что у меня оставалось, и аккуратно разгладил ладонью бумажки. Чуть больше тридцати тысяч тенге. Мой реальный, осязаемый потолок на ближайшее время. Счета у меня были под арестом уже давно, так что рассчитывать на чудо безличного мира не приходилось — все карты были мертвы. Осознавать, что прямо сейчас в этой душной комнате есть только я, моя парализованная нога, ноющие швы и пара мятых купюр, на которые нужно как-то купить лекарства, продукты и закрыть аренду. Ну да, такое себе.

Паниковать смысла не было. Я взял телефон, нашёл номер владельца кафе и нажал на вызов. Мне просто нужны были мои деньги. Моя зарплата. Но обязательно наличными.

Трубку взяли после третьего гудка.

— Ассаламу алейкум, Камран — голос шефа звучал непривычно сдержанно, без прежней панибратской теплоты.
— Как ты там? Живой?

— Ваалейкум ассалам, Асхат Орынбасарович. Нормально, швы наложили, отлеживаюсь дома, — я постарался, чтобы мой голос звучал максимально ровно. — Шеф, я звоню по делу. Ситуация сложная, ходить я пока вообще не могу.

Мне очень нужна заработная плата, хотя бы часть. Но, сам знаешь, мне нужно только наличными, на карту скинуть не получится, счета в аресте. Мне элементарно на лекарства и продукты сейчас надо.

На том конце провода повисла тяжелая, вязкая пауза. Было слышно, как шеф тяжело вздохнул и прикурил сигарету.

— Камран... Тут такое дело, — начал он неохотно, подбирая слова. — Я в курсе, что с тобой случилось. Ко мне в кафе позавчера уже заходили из МВД. Капитан какой-то расспрашивал про тебя, бумаги крутил, интересовался, с кем ты общаешься. Я тебя дёргать не стал напрасными звонками в больницу. Но сам понимаешь, для заведения такие визиты — это лишний стресс. Нам эти проверки ни к чему.

Я молчал, чувствуя, как внутри начинает ныть свежий шов. Шеф затаился и сменил тон на более мягкий, доверительный:

— Насчёт денег Ты не переживай, я тебе всё оплачу, до копейки, ты же знаешь, я твою работу ценю. Но сейчас у нас как раз навалились эти старые долги по поставщикам, аренду залы выставили Короче, в кассе сейчас голяк, буквально всё впритык уходит на перекрытие дыр. Придётся тебе немного подождать, ладно? Как только чуть посвободнее станет — я сразу всё закрою. Не теряйся, на связи.

В трубке раздались короткие гудки.

Я медленно опустил телефон на стол и снова посмотрел на тридцать тысяч тенге. «Придётся немного подождать». Веж-

ливое, завернутое в заботу обещание, которое на самом деле означало только одно: прямо сейчас я остался один на один со своим дерьмом.

Голос в голове по-прежнему молчал, словно издевательски выжидал со стороны, когда я окончательно признаю свою беспомощность.

Я тяжело выдохнул, откинулся на спинку стула и уставился в потолок. Нужно было думать. Быстро, трезво, без соплей. Где взять деньги прямо сейчас, если счета заблокированы, а единственный источник дохода умыл руки?

Единственное, что пришло в голову — это Мерседес. Мой старый немец, который сейчас остался припаркованным там, у кафе. Продать машину. Это был единственный способ мгновенно получить живой, осязаемый кэш на руки, минуя банки и судебныхников. Купить лекарства, закрыть аренду, просто выиграть время, чтобы встать на ноги.

Я взял телефон, открыл приложение «Колёса» и вбил в поиск свою модель. Страница обновилась, выдав сотни объявлений. Я принялся методично листать ленту, анализируя рынок. Разброс цен в Уральске и по стране был огромным. Экземпляры в идеальном состоянии, «живые легенды», за которыми ухаживали и с которых сдували пылинки, торговались по 3–4 миллиона тенге. Были и совсем уставшие, шпатлёванные, полумёртвые варианты за миллион-полтора. Средняя цена на такие Мерседесы в нормальном, рабочем состоянии держалась в районе 1 800 000 тенге.

Мой старик стоил этих денег. Но у меня не было времени неделями возить его на смотри, выслушивать нытьё потенциальных покупателей, торговаться у капота и ждать «того самого» клиента. Мне нужно было решить вопрос здесь и сейчас. С машиной я разберусь потом, заработаю, куплю другую — сейчас на кону стояло моё собственное здоровье.

Я нажал «Подать объявление», загрузил несколько старых, но удачных фотографий из галереи, где машина была ещё чистой и блестящей, и уверенно вбил в графу стоимости: 1 250 000 тенге.

Цена была откровенно заниженной, по самому низу рынка. Хищники из автоподбора и перекупщики должны были почувствовать этот запах крови мгновенно. В описании я сухо добавил: «Машина на ходу, вложения по мелочи. Документы в порядке. Продажа срочная, цена окончательная, только наличные. Осмотр на парковке кафе...» — и указал адрес своей работы.

Я сделал глубокий вдох, который тут же отозвался тупой болью в боку, и нажал кнопку публикации. Объявление улетело на модерацию.

Я отложил телефон на край стола, собираясь просто доковылять до кухни и налить себе воды. Но сделать не успел и двух шагов — телефон на столе начал непрерывно вибрировать, издавая короткие, пулемётные звуки уведомлений.

Прошло от силы полминуты. Модерация в Алматы работала мгновенно, а боты перекупщиков среагировали ещё

быстрее.

Я аккуратно опустил обратно на стул, стараясь не тревожить ноющее бедро, и взял смартфон. На экране висели три одинаковых сообщения в мессенджере от разных аккаунтов, отправленные с разницей в секунды:

«Салам. Миллион наличкой прямо сейчас заберу».

«Брат, за миллион на руках щас приеду».

«Миллион. Срочно выезжаю».

Все как один. Словно сговорились. Алматинский авторынок учуял заниженный ценник и лениво, шаблонно пытался продать меня ещё ниже, рассчитывая, что у хозяина паника и ему срочно нужны деньги. В чём-то они были правы, но отдавать живой Мерседес за бесценок я не собирался.

Я проигнорировал сообщения. И вот тогда, поняв, что наглый спам не прошёл, перекупы перешли к тяжёлой артиллерии. Телефон в руке ожил и зашёлся громкой, настырной мелодией звонка. Следом за ним в режиме ожидания пискнул второй.

Я нажал на приём первого вызова.

— Алло, брат, салам алейкум! — в трубке раздался быстрый, прокуренный, типично «базарный» голос. На заднем плане глухо шумел оживлённый алматинский проспект. — По Мерсу звоню. Живой аппарат? Че по вложениям? Коробка не пинает?

— Уаалейкум салам. На ходу, коробка ровно листает, — ответил я максимально сухо, сразу сбивая его суетливый

темп. — Всё, что в описании написано — правда. Вложения по мелочи.

— Слушай, брат, я тут рядом по Саина двигаюсь, через двадцать минут буду у тебя, — затараторил парень, явно пытаясь «застолбить» сладкий вариант, пока его не перехватили другие. — Давай за миллион сто наличкой прямо сейчас на руки, забираю без лишних вопросов? Ща заеду, деньги отдам, на эвакуатор закину и уеду. По рукам?

Наличка мне была нужна кровь из носу, но позволять вытирать об себя ноги я не собирался.

— Цена миллион двести пятьдесят. Окончательно. Скидок нет, — отрезал я ровным, ледяным голосом. — Осмотр на парковке кафе, адрес в объявлении. Будет интерес — звони оттуда, я вызову человека с ключами. Нет — не трать моё время.

— Ладно, ладно, брат, чё ты сразу... — перекуп заметно осадил коней, поняв, что наткнулся не на испуганного пацана, у которого горят сроки. — За миллион двести пятьдесят заберу, если чашки целые и мотор не троит. Я наберу, как подъеду к кафе. Жди.

Он отключился. Не успел я опустить телефон, как пошёл второй вызов.

Я сидел перед ноутбуком, а телефон буквально разрывался от вибрации. С одной стороны, база была близко — через час эти мятые тридцать тысяч в кармане могли превратиться в увесистую пачку наличных. С другой стороны, я физиче-

ски сидел дома в четырёх стенах, правая нога не двигалась, а машина стояла на парковке заведения, где меня уже списали со счетов.

Мне нужно было решать: отправлять кого-то с ключами вместо себя или... собирать волю в кулак, вызывать такси и ехать на встречу лично. Туда, где всё это произошло.

Глава 5

Долбанные костыли никак не хотели помещаться в салон.

Я стоял на одной ноге у открытой задней двери вызванной «Тойоты», судорожно цепляясь пальцами за крышу машины, и чувствовал себя самым неуклюжим человеком в мире. Обезболивающее еще не успело подействовать, и при каждом движении правое бедро взрывалось такой волной боли, что перед глазами полыхали белые вспышки. Костыли цеплялись за обшивку, падали, бились о порог. Кое-как я плашмя забросил эти проклятые алюминиевые палки на коврик перед сиденьями.

Развернувшись спиной к открытой двери, я аккуратно опустил задом на самый край дивана. Теперь нужно было затащить тело внутрь. Закусив губу до крови, я обеими руками перехватил мёртвую, деревянную правую ногу под коленом и медленно, сантиметр за сантиметром, стал тянуть её в салон, вытягивая вдоль заднего сиденья. Швы противно натянулись, в бедре обожгло жидким огнем. Только когда больная нога легла на обшивку, я смог опереться на здоровую левую, подтянуть её следом и поглубже втиснуться вглубь машины. Дверь захлопнулась с глухим стуком, отрезав меня от уличного шума.

Машина плавно тронулась, встраиваясь в плотный, вечно спешащий поток.

Такси затормозило у обочины, мягко качнувшись на стыке асфальта. Сквозь пыльное боковое стекло я увидел знакомые очертания. Парковка моего ресторана. Место, где я ещё недавно выстраивал процессы, проводил большую часть своего времени, чувствовал себя хозяином положения.

А вон и он. Мой старый Мерседес. Немецкий «кабан», сиротливо замерший в дальнем углу площадки. За те дни, что я провалялся в больнице, машина успела покрыться тонким слоем пыли, а правое заднее колесо действительно заметно подпустило, из-за чего кузов тяжело завалился на один бок.

Около машины уже тёрлись двое. Тот, что звонил — невысокий, шустрый парень в кепке и спортивке — всю заглядывал в салон, прижав ладони к стеклу. Второй, постарше и покрупнее, лениво пинал носком кроссовка передний баллон, оценивая остаток протектора. Стервятники приехали ломать цену.

— Прибыли, брат. С тебя две тысячи триста тенге, — подал голос таксист, даже не повернувшись.

Я молча вытащил из кармана две смятые купюры, добавил мелочь и бросил на соседнее сиденье. Обезболивающее уже набрало силу, превратив острую боль в бедре в глухую, ватную тяжесть. Это было моё окно возможностей.

Процесс высадки превратился в отдельную битву. Сначала я вытолкнул наружу костыли, которые с грохотом повалились на асфальт. Затем, цепляясь за ручку над дверью, развернул корпус и аккуратно выставил на улицу здоровую ле-

вую ногу. Руками перехватил мёртвое правое бедро, помогая ему преодолеть порог, и только потом, опёршись на спинку сиденья, рывком выпрямился. С трудом поймал равновесие, оперевшись на алюминиевые опоры.

Такси тут же рвануло с места, обдав меня волной горячего выхлопа. Я остался стоять на парковке. Перекупы услышали грохот костылей и одновременно обернулись. На их лицах на долю секунды промелькнуло искреннее удивление, которое тут же сменилось хищным, оценивающим прищуром. Опытные алматинские дельцы мгновенно считали ситуацию: перед ними стоял поломанный парень, которому прижало хвост, счета которого, скорее всего, пусты или заблокированы, и которому кровь из носа нужны живые наличные. Для них это был идеальный расклад.

— Салам алейкум, — шустрый в кепке сделал пару шагов навстречу, протягивая руку. Его взгляд сканировал мои швы сквозь ткань брюк и фиксировал, насколько надёжно я держусь на опорах. — Ты Камран? Это я звонил. Я Асхат, это мой косяк... в смысле, мой кент Баха.

— Уаалейкум салам, — я не стал протягивать руку в ответ, просто потому что физически не мог оторвать ладонь от костыля, да и желания особого не было. — Машину посмотрели? Документы у меня, ключи тоже.

Тот, что постарше — Баха — подошёл ближе, засунув руки в карманы куртки. На его лице блуждала снисходительная ухмылка профессионального закупщика.

— Посмотрели, брат, посмотрели, — протянул он, качая головой с наигранным сочувствием. — Ну, что сказать... Машина грустная. Год старый, колесо спустило — походу, корт повело, под замену баллон. По кузову косяков хватает, чашки надо смотреть на эстакаде, сто процентов варить придётся. Да и коробка, ты говоришь, листает, а на месте вон — подтёки масла под движком свежие.

Он замолчал, выдерживая театральную паузу, чтобы я начал оправдываться. Но я молчал, лениво глядя ему прямо в переносицу. Мой опыт управления в общепите научил меня главному правилу переговоров: кто первый засуетился и начал оправдываться — тот проиграл.

Асхат, не дождавшись от меня паники, тут же включился в игру, включив «доброго полицейского»:

— Слушай, Камран, мы парняги ровные, суету наводить не любим. Видим, что тебе сейчас не до машины, здоровье важнее. Давай так: мы её забираем прямо как есть, сами эвакуатор оплатим, сами с колесом возиться будем. Но миллион двести пятьдесят за неё сейчас — это много, брат. Реально много. Миллион наличкой на руки прямо здесь, в доверку нас вписываешь, и мы тебя не беспокоим. Чистый кэш, прямо сейчас в банк пойдём или в машине посчитаем. Что скажешь?

Они ударили дуплетом. Классическая схема: один накидал мнимых косяков, второй поманил быстрыми деньгами, давя на мою инвалидность.

Я переставил левый костыль чуть вперёд, перенося вес тела, и посмотрел на Асхата. Обезболивающее пеленало мозг, но злость внутри была абсолютно трезвой и острой.

— Миллион? — тихо спросил я.

— Да, брат, миллион. Больше она в таком состоянии не стоит, поверь рынку.

— Рынок я без вас проверил на «Колёсах», — отрезал я, и мой голос прозвучал на удивление жёстко, без тени той немощи, которую они ожидали услышать. — Средняя цена такого живого немца — миллион восемьдесят то есть, миллион восемьсот тысяч. Я выставил за миллион двести пятьдесят только потому, что мне нужно решить вопрос срочно. Меньше этой суммы диалога не будет. Не устраивает — Саина рядом, пацаны, прыгайте в тачку и удачной дороги. Через десять минут сюда приедет автоподбор, они за эти деньги заберут её с закрытыми глазами.

Баха на секунду перестал улыбаться. Перекупы переглянулись. Мой блеф насчёт автоподбора был наглым, но алмастинский рынок не прощает слабости, и они поняли: сломанная нога не сделала меня лохом.

В этот момент за моей спиной мягко скрипнула стеклянная дверь кафе. Я инстинктивно повёл плечом, готовый увидеть кого угодно, но на крыльцо вышел Данияр — молодой официант, которого я сам лично беседовал, стажировал и принимал на работу месяца два-три назад.

Он затянулся сигаретой, лениво оглядел парковку, и тут

его взгляд наткнулся на меня. Глаза парня округлились. Он бросил сигарету прямо в урну и буквально подлетел ко мне, на ходу вытирая руки о форменный фартук.

— Камран-ага! Салам алейкум! — в его голосе была неподдельная, чистая радость. Он аккуратно, чтобы не задеть костыли, пожал мне руку обеими ладонями. — Вы как? Мы так переживали, когда всё это случилось... В заведении вообще слухи разные ходили. Как нога? Ого, аппарат у вас серьезный... Вам помочь? Давайте я ключи возьму, что нужно сделать?

Перекупы при виде этой сцены заметно притихли. Весь их психологический прессинг пошёл прахом: поломанный парень оказался не брошенной одиночкой, а бывшим управляющим, за которого тут же готов вписаться персонал заведения. Ситуация на парковке мгновенно изменилась.

Асхат кашлянул, поправил кепку и сделал шаг назад, меняя тон на более деловой:

— Ладно, Камран, брат, чё ты сразу обостряешь. Мы же просто торгуемся, это рынок. Миллион двести пятьдесят — так миллион двести пятьдесят, — Асхат поднял руки, капитулируя перед моей жёсткой позицией. — Но нам надо коробку и мотор в отсеке проверить. Давай Баха круг сделает по району здесь, по Саина поднимемся, если коробка реально не пинает и ходовка живая — сразу оформляемся. Из бардачка наличку вытащим, сосчитаем и по рукам. Идёт?

Предложение было логичным, но садиться за руль самому

с такой ногой было самоубийством. Да и отпускать перекупов одних на моей машине — верх глупости, уедут и ищи их потом по всему Алматы.

Я посмотрел на Данияра.

— Данияр, ключи в правом кармане куртки, достань, — тихо сказал я. — Садись с ними назад. Контролируй, чтобы этот Баха двигатель не насиловал. Сделайте круг до разворота и назад на парковку.

— Без проблем, Камран-ага! Всё сделаю в лучшем виде, — Данияр быстро выудил ключи, его глаза азартно блеснули. Ему явно льстило такое доверие со стороны бывшего управляющего.

Баха молча взял ключи из рук официанта, снял Мерседес с сигнализации. Старый немец отозвался тяжёлым, породистым щелчком замков. Асхат прыгнул на переднее пассажирское, Данияр нырнул назад, и через минуту машина, глухо и басовито заурчав старым мотором, плавно выехала с парковки, оставляя за собой лёгкое облако пыли.

Я остался стоять один, тяжело опираясь на свои «аппараты». Обезболивающее сделало своё дело — нога онемела, превратившись в тяжёлое бревно, но сознание оставалось кристально чистым.

Время потянулось невыносимо медленно. Минута, две, три... В Алматы даже короткий круг по району из-за вечных заторов и светофоров может растянуться на вечность. Подмышками от костылей уже начинало противно натирать,

здоровая левая нога неприятно подрагивала от непривычной статичной нагрузки, а поясницу заклинило. Я стоял посреди парковки заведения, где ещё неделю назад каждое моё слово было законом для персонала, а сейчас чувствовал себя просто беспомощным памятником самому себе.

Мимо входа прошла пара постоянных гостей — я помнил, что они всегда заказывали столик у окна. Они скользнули по мне удивлёнными, скорбными взглядами, но я упрямо отвернулся, разглядывая асфальт под ногами. Каждая секунда этого ожидания была по гордости.

В голову тут же полезли паршивые мысли. Недоверие к людям, которое и так выжигало всё внутри, сейчас разыгралось с новой силой. А вдруг уехали? Вдруг они прямо сейчас потрошат бардачок где-нибудь в чужих дворах? Вдруг Данияр не справился, или они его просто высадили на ходу? Скрутить парня на костылях — раз плюнуть, я ведь даже догнать их не смогу. Внутри всё сжималось от злости на собственное бессилие.

И именно в тот момент, когда левая икра уже начала гореть от напряжения, а зубы сжались до скрипа, с улицы наконец-то донёсся знакомый басовитый рык.

Старый Мерседес, шурша шинами, лихо завернул на парковку и затормозил точно напротив меня. Задняя дверь сразу распахнулась, и оттуда уверенно вылез Данияр, победно кивнув мне — мол, всё под контролем, ага. Следом с переднего сиденья выпрыгнул довольный Баха. Тест-драйв про-

шёл успешно — коробка «кабана» не подвела.

— Всё ровно, брат, — Асхат вылез с пассажирского сиденья, уже держа в руках толстый кожаный портмоне. — Коробка листает как надо, мотор живой. Мы согласны. Давай оформляться.

Я достал мобильный и нажал на вызов. Трубку сняли после пятого гудка.

— Алло, Умка, салам, — сказал я в динамик. — Братуха, я на парковке, покупатели приехали, Мерс забирают. Я тебе сейчас ИИН покупателя скину, нужно машину переоформить.

— Салам, — в голосе Умида послышался откровенный завал и фоновый шум. — Брат, ты как обычно, вовремя! Заранее предупредить не мог? У меня тут завал. Минут через двадцать переоформлю.

— Умка, выручай, пацаны уже с деньгами стоят, — тихо, но твёрдо сказал я, чувствуя, как внутри начинает подниматься волна липкой тревоги.

— Ладно, скидывай ИИН, сделаю.

В трубке пошли короткие гудки. Я быстро переслал Умиду ИИН Асхата, который тот уже вывел на экране своего телефона.

Я повернулся к перекупу:

— Асхат, я закинул ему данные. Сейчас отправит запрос, проверяй у себя в Каспи.

Асхат кивнул, не выпуская из рук телефон. Прошло едва

ли полминуты. Баха на пассажирском сиденье даже двигатель заглушить не успел, как экран в руках Асхата коротко звякнул.

— О, прилетело, — буркнул перекуп.

Он быстро защёлкал пальцами по экрану, принимая запрос и подписывая документы со своей стороны. Ещё несколько секунд ожидания, пока система обрабатывала данные, и на экране его смартфона наконец высветился зелёный статус: «Оформлено». Умка не подвёл, переоформил всё моментально.

— Всё, готово, машина на мне, — Асхат поднял на меня глаза и расстегнул свой кожаный портмоне.

Он вытащил плотную пачку денег, перетянутую тонкой резинкой. Миллион двести пятьдесят тысяч тенге. Серые двадцатитысячные купюры и одна синяя десятка сверху глухо зашуршали, когда он быстро перебрал их пальцами прямо на капоте Мерседеса, пересчитывая сумму.

— Держи, Камран. Всё честно.

Каждый шаг на костылях отдавался в левом боку неприятным, тянущим ощущением — свежие швы, к счастью, не задевшие ничего важного, противно натягивались при любом резком движении. Отбитая нога тоже всё ещё отказывалась нормально служить опорой.

Я поудобнее перехватил рукоятки, слегка облокотился бедром на капот Мерса, чтобы разгрузить тело, и забрал пачку у Асхата. Пальцы сразу ощутили плотную текстуру банк-

НОТ.

— Даник, поддержи один, — негромко бросил я официанту, освобождая правую руку.

Данияр тут же перехватил костыль, подстраховывая меня. Свободной рукой я ловко скинул резинку и прямо на капоте, придерживая пачку ладонью, быстро пересчитал купюры. Шестьдесят две серые двадцатки и одна синяя десятка сверху.

Я зажал деньги в кулаке, расстегнул молнию на груди и глубоко запрятал пачку во внутренний карман куртки, защёлкнув замок обратно. У меня на груди словно обосновался надёжный, тёплый бронезилет. Мой первый рубеж был взят.

Перекупы прыгнули в салон. Асхат устроился за рулём, по-хозяйски похлопал по торпедо и завёл мотор. «Кабан» прощально рыкнул выхлопной трубой, лихо развернулся и плавно выехал с парковки, растворяясь в городском потоке. Моя машина уехала навсегда. Было внутри какое-то странное чувство — и пустота от потери верного друга, и одновременно дикое облегчение, что проблема сдвинулась с мёртвой точки.

— Камран-ага, давайте я вам такси вызову? — тихо спросил Данияр, возвращая мне второй костыль.

— Вызывай, Даник, — устало улыбнулся я, чувствуя, как действие таблеток начинает понемногу сдавать позиции, и в бедро возвращается знакомая, пока ещё слабая пульсация.

— Пора домой. С меня рахмет за помощь, на днях созвонимся.

Данияр быстро защёлкал по экрану смартфона, вызывая машину, а я стоял, уперевшись в костыли, и смотрел на пустой асфальт, где ещё минуту назад стоял мой Мерседес.

Глава 6

Вся дорога до дома превратилась в сплошной туман из боли и дорожных ухабов. Обезбол сдавал позиции с каждым километром.

Подъезд встретил меня бесконечными ступенями. Подъём наверх я вообще не запомнил — двигался на чистом упрямстве, сопя сквозь зубы и чувствуя, как под курткой по спине катится холодный пот. Швы в левом боку уже не просто тянули, их словно прижигали раскалённым железом.

Кое-как провернув ключ, я толкнул дверь квартиры, шагнул в прихожую и прямо там сбросил костыли. Они с глухим грохотом повалились на линолеум. Обувь я снимать не стал — сил не было вообще. Ковыляя на одной ноге и цепляясь рукой за стену, я кое-как дотащился до зала и буквально рухнул на диван, неловко заваливаясь на правый, здоровый бок.

Сдавленный стон сам вырвался изо рта, а в глазах на мгновение потемнело. Всё, приплыли.

Я лежал неподвижно, свернувшись калачиком, и боялся даже вздохнуть поглубже. Короткий нож не задел селезёнку, но мышцы он распорол знатно, и сейчас рана мстила за каждый метр, который я преодолел на костылях. Зато рука через ткань куртки отчётливо прижимала к рёбрам плотный, жёсткий прямоугольник.

Миллион двести пятьдесят тысяч были на месте. Это был

мой первый настоящий выигрыш в этой новой, хреновой реальности. Счета заблокированы, но этот кэш — мой. Я стиснул зубы, медленно выдохнул через боль и закрыл глаза. Первый раунд остался за мной.

«Ну да, раунд», — раздался в голове тихий, ленивый голос с лёгкой издёвкой. «Ближайший месяц от голода точно не подохнешь, уже хорошо. За квартиру заплатишь, доширак будет на что купить. Великое достижение для человека, который ещё вчера чужими бизнесами рулил».

Я даже не стал открывать глаз. Спорить с ним не было ни сил, ни желания — тем более что этот циничный ублюдок внутри меня, как обычно, был чертовски прав. Миллион двести пятьдесят тысяч — это были хорошие деньги, но в моей ситуации они казались просто короткой передышкой. Пластырем на сквозную рану.

«Ладно, лежи, отдыхай, миллионер, — хмыкнул голос, утихая. — Деньги под курткой, швы горят, кроссовки диван пачкают. Самое время подумать, что ты будешь делать, когда этот кэш начнёт таять».

Эта трезвая мысль подействовала лучше любого адреналина. Насмешка голоса не выбила меня из колеи, наоборот — она окончательно согнала остатки тумана. Лежать тюленем в грязной обуви на собственном диване и правда было глупо.

Стиснув зубы так, что затрещали челюсти, я опёрся здоровым правым локтем о подлокотник. Каждое мимолётное

движение отзывалось в левом боку резкой, электрической вспышкой. Ткань футболки под курткой уже промокла от холодного пота. Медленно, сантиметр за сантиметром, я спустил ноги на пол. Кроссовки глухо шаркнули по ковру.

Я сидел, согнувшись, тяжело дыша и запустив руку под куртку. Вытащил плотный прямоугольник банкнот и положил перед собой на журнальный столик. Миллион двести пятьдесят тысяч. Живые, осязаемые деньги, пахнущие дешёвой бумагой.

Оставлять их на виду или в кармане куртки не хотелось. Напряжение последних дней выкрутило паранойю на максимум, так что кэш нужно было спрятать прямо сейчас, пока я вообще могу шевелиться.

В желудке противно и требовательно заурчало. Последний раз я нормально ел ещё в больнице, а на голодный желудок много не размыслишь — мозг просто отказывался выдавать нормальные решения, требуя глюкозы. Надо было поесть. Причём не заваривать бич-пакет дома, стоя у плиты на одной ноге, а спуститься вниз и дойти до небольшого уютного кафе. Оно находилось через две улицы от моего дома. Подхватив костыли, я сразу двинулся к выходу.

Дорога оказалась отдельным видом испытания. Перекрёсток, разбитый асфальт у обочины, высокий бордюр — каждое препятствие заставляло рассчитывать движения, как на минном поле. Каждый шаг отдавался в левом боку тупой, пульсирующей болью. Я шёл, нажимая на рукоятки косты-

лей до хруста в суставах, и мысленно материл это расстояние. Когда я наконец толкнул тяжёлую стеклянную дверь заведения, со лба уже капал пот.

В нос сразу ударил густой, умопомрачительный запах свежего бульона, жареного мяса и специй. Специфический, родной аромат общепита.

У окна стояла молодая официантка — симпатичная девчонка, которая до этого момента лениво смотрела на улицу через большое витражное стекло. Когда дверь с грохотом распахнулась и вошёл я — высокий, смуглый, тяжело дышащий парень на костылях, со лбом, покрытым испариной, но со злобным, упрямым взглядом, — она удивлённо округлила глаза. Из-за панорамного окна она наверняка видела последние метры моей «дистанции», и в её лице читалось неприкрытое любопытство. Не каждый день к ним в заведение так тяжело и упорно прорываются клиенты.

Я направился к самому дальнему, уединённому столику в углу, аккуратно пристроил костыли у стены и с трудом опустился на мягкий диван. Девчонка подошла почти сразу, держа в руках папку меню, но я даже не стал её брать. Профдеформация, сука, не лечится — я и так наизусть знал, что должно быть в нормальном заведении.

— Мне солянку, — глухо произнёс я, глядя на неё снизу вверх. — На второе — стейк с запечёнными овощами. И чай горячий, чёрный. Большой чайник. Сразу, если можно.

Официантка удивлённо моргнула, быстро чиркнула что-

то в блокноте, кивнула и растворилась в глубине зала.

Я остался один. Напряжение в боку не отпускало, пульсация становилась все более настойчивой, заставляя сидеть неестественно прямо, едва дыша. Рука сама нырнула в карман и вытащила блистер, который я прихватил из дома. Обычные круглые белые таблетки. Дёшево, сердито и эффективно. Зачем сидеть и копить эту боль? Выпить, и пусть отпустит. Для меня эта химия была просто инструментом. Боль — штука бесполезная, она только отвлекает и мешает думать, а мне сейчас нужна была абсолютно чистая голова.

Девчонка вернулась быстро — чайник в нормальных кафе всегда отдают первым. Она бесшумно поставила передо мной пиалу, наполнила её тёмным, дымящимся чаем и снова ушла на кухню.

Я даже не стал ждать супа. Просто закинул круглую таблетку в рот и сделал быстрый глоток горячего чая. Я тогда ещё не думал о том, что это станет системой. Что этот глоток чая запустил процесс, который со временем покрывает меня шрамами с ног до головы...

Через пятнадцать минут, когда на столе появилась тарелка с дымящейся солянкой, таблетка наконец подействовала. Огонь в боку начал медленно затухать, сменяясь приятным, ватным онемением. Боль отступила. Мозг заработал чётко и холодно.